

Часть VI Киев в 1914-1920 годах

Всероссийский император
на германца-супостата
по мобилизации
двинул пушечное мясо
из серо-шинельной массы
всех сословий нации.

В стенах киевской Софии
отслужили литургию
воинству российскому,
генералов величали,
громкое “ура” кричали
фронту галицийскому.

Молодые патриоты
добровольно шли в пехоту,
в сестры милосердия,
но, нанюхавшись флюидов
мертвецов и инвалидов,
сбавили усердие.

Схватка с австро-венгро-чехом
поначалу шла с успехом
наступленья русского.
После встречных операций
стали в землю зарываться
от напора прусского.

От Карпат до волн балтийских
на позициях российских
шла война окопная.
За неполные три года
перебила тьму народа
бойня допотопная.

И когда “святое дело”
всем изрядно надоело,
с петроградских улочек,
хуже, чем от динамита,
взрыв пошел от дефицита
мягких сдобных булочек.

В перебоях со снабженьем
и военных пораженьях,
в распутинвредительстве,
в казнокрадствующей гнили
либералы обвинили
царское правительство.

В меланхольную минуту
Николая бес попутал.
С внутренней апатией,
подписанием протокола,
царь отрекся от престола
в пользу демократии.

Манифест об отреченье
не доставил огорченья
киевским мечтателям.
Перед Думой на бульваре
митинг организовали
нации спасатели.

С ярким бантиком в петлице
власть в украинской столице
цицероны фрачные
учредительным декретом
Временному комитету
от себя назначили.

Радикальные декреты
убеждали: власть Советам
передать трудящихся!
Глас поборников доктрины
самостийной Украины –
на нее молящимся!

И тогда часы настали
тех, кто *москалів* считали
напастью нечистою.
Винниченко и Петлюра
незалежному аллюру
просеку расчистили.

Дулей в пику Петрограду
создали *Центральну Раду*
без указа неевского.
Батьком декларационной
Украины автономной
выбрали Грушевского.

Украинцы всей державы
одностаино поддержали
нацию регальную,
а Керенского декреты
раскурили в сигареты
самосадопальные.

С немцем начали брататься,
начитавшись прокламаций,
равенством жуировать
с “их высокоблагородьем”
и, как крысы в половодье,
с фронта дезертировать.

В селах, хуторах, местечках
разнузданась вдрызг уздечка
правовой анархии.
А рука Центральной Рады
ограничилась оградой
киевской экзархии.

Без чиновников-педантов,
без снабженцев-маркитантов,
без жандармской прыткости,
без армейской дисциплины
Рада центра Украины
закачалась в зыбкости.

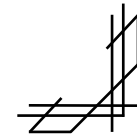
Вдруг бумажная смутьянка,
телеграфная морзянка,
в Киев пропиликала,
что какие-то Советы
низложили комитеты
Керенского с кликою.

Ленин, лидер синдиката
Социальных Демократов
и левоэСэРенных,
с кучкой моряков кронштадтских
и красногвардейцев штатских
власть отнял у “временных”.

Петроградские буклеты
обещали, что Советы
с немцами замирятся,
фабрики дадут рабочим,
землю – тем, кто очень хочет
взять ее в кормилицы!

Выйдя из подпольной комы,
большевицкие ревкомы
храбрости прибавили –
на штабной охраны войско
и на юнкеров-подростков
злость свою направили.

Пролетарские вояки
при поддержке *гайдамаків*
царской гидры вредину,
офицеров-монархистов
и кадетов-централистов,
выгнали к Каледину.

Но с крестьянами в дебатах
при избраньи депутатов,
в целом, опозорились.
Разобидевшись на массу
несознательного класса,
в Харькове устроились.

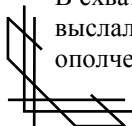
И оттуда возвестили
о *Радянській Україні*
в громкой резолюции,
а трудящихся призвали
на печерском Арсенале
делать революцию.

И рабочая пехота,
арсенальские ворота
забаррикадировав,
дробью пулевого града
действия Центральной Рады
начала шунтировать.

Гайдамакская пружина
красной гвардии дружину
в стычке уничтожила.
Дружбу Киева с сестрицей,
пролетарскою столицей,
Рада подытожила.

В пламенном универсале
акушеры записали
об освобождении
от российской пуповины
организма Украины
в день ее рождения!

Только воинские силы
самостийной Украины
разбрелись украдкою.
В схватку с красною армадой
выслала *Центральна Рада*
ополчение шаткое.

Муравьев, к Петлюре лютый,
расстрелял в местечке Круты
гимназистов скопище,
галичан і гайдамаків,
січових стрільців, козаків
вытеснил в урочища.

Примаков, *козак червоний,*
с Коцюбинского *загоном,*
воплощая Ленинский
план народам мир дать вечный,
киевлянам обеспечил
“мир” варфоломеевский.

Как по праву вольных наций
им самоопределяться,
показали узникам:
Петроград признать столицей
и германцу поклониться
на развал союзников.

В это время в Брест-Литовске
с немцами товарищ Троцкий
договор улаживал
без аннексий, контрибуций –
язвой новых революций
мир облагораживал.

Рада своего добилась:
Украину сговорила
немцам аннексировать,
с обязательством отдельным
склады Карла и Вильгельма
салом нашпацировать.

С облегчением и с болью
Киев встретил хлебом с солью
орды басурманские,
но не смог зерном ядреным
затоварить все вагоны
в земли фатерландские.

Немцы, с целью усиления
продразверстки с населенья,
радных пустословников
либеральную бандуру
заменили диктатурой
опытных чиновников.

В гетманы страны призвало
царской службы генерала
Павла Скоропадского
тосковавшее по палке
в бесшабашной коммуналке
сборище магнатское.

Новоиспеченный гетман,
с благодарностью ответной,
на земли орателей,
что *заможниками* стали,
как поместья растаскали,
натравил карателей.

Реставрировав охранку,
красных изогнул в баранку,
придавил вредительство
уголовников отпетых,
монархистов и кадетов
пригласил в правительство.

С Украины за кордоны
покатили эшелоны
с фуражом для ариев.
Их встречали на вокзале
Либкнехт с Люксембург Розальей
гимном пролетариев.

Кучка буршев в конвульсии
попыталась, как в России,
сквозняком восстания
дух советского режима,
словно из бутылки джина,
выпустить в Германии.

От домашних треволнений
и петлюровских давлений
с красными помехами
немцы, зачехливши пушки,
гетьмана забрав в теплушку,
восвояси съехали.

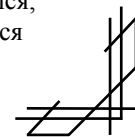
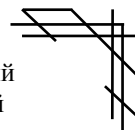
Лишние в семейной драме
офицеры с юнкерами
сдали территорию.
Бывшая *Центральна Рада*,
перекрасившись с фасада,
стала *Директорією*.

На ее три зуба в вилах
свои зубы наострило
сразу стадо целое:
и Антанты, и поляки,
и российские вояки –
красные и белые.

Козаки, ядро народа,
пахари и скотоводы,
с чужаками вредными
за свое село родное,
землю, пастбище степное
дрались до победного.

От властей и реквизиций
легче было схорониться
в вольной партизанщине.
По анархии порядкам
с армией играли в прятки
банды атаманщины.

Нестора Махно герои
основали в Гуляй-Поле
сечь неокозачества.
Кто к ним в лапы попадался,
классовым врагом считался
местного кулачества.

Белой гвардии погоны
признавались вне закона,
но и звезды красные
яркой делались мишенью
анархистскому движению,
как враги опасные.

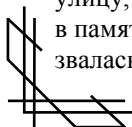
И для красных, и для белых,
для махновцев очумелых,
как и для петлюровцев,
стал вершиною злодейства
грех погромов иудейства
на торговых улицах.

Оценивши власть наганов,
рать головорезов пьяных
в городках с местечками,
потроша шинки, прилавки,
разрубая камилавки,
кровь пускала речками.

Племя “что Христа распяло”,
тысячами вырезала
голытьба рассева.
Ей с Кремлем разбоем спеться
предложил бандит советский
Антонов-Овсеенко.

В южный тыл направив хлопцев
из григорьевцев, махновцев,
комиссары с севера –
Скрипник, Щорс, Бубнов, Затонский –
желто-голубое войско
по степи рассеяли.

С Киевом в повторной встрече
Совнарком увековечил
власть, назвавши Ленинской
улицу, ту что полвека
в память генерала-грека
звалась Фундуклеевской.

Каждый вождь пролетарьята
окрестил собой по блату
площадь или улицу.
Бибиков же в пересменку
уступил бульвар Шевченку
как почетному лицу.

А за вывесками город –
осаждали тиф и голод –
спутники коммунии.
За подмогой обратиться
довелось ей в две столицы
большевистской унии.

Из Москвы и Петрограда
прискакали продотряды
за зерном с говядиной,
рассчитавшись до отвала
пулею ревтрибунала
с подкулацкой гадиной.

Манною, упавшей с неба,
голодающим без хлеба
городским окраинам,
что в разрухе оказались,
словно в сказке, показались
погребца Украины.

И буржуй, как не вращался,
очень быстро распрощался
с золотой кубышкойю.
С теми, кто на красных злился,
Мартин Лацис расплатился
ЧеКавою книжкойю.

Досыта хлебнули счастья
от родной Советской власти
киевские жители.
А село, собравши силы,
пригороды наводнило
бандами “вредителей”.

На крестьянское подполье
комсомольцы под Триполье
вышли как каратели,
но, не выставив заслонов,
все погибли от “зеленой”
озверелой братии.

Без поддержки населения
большевистское правление
с треском опрокинулось.
От денкинских ударов
власть народных комиссаров
к северу подвинулась.

Киев уступив без боя,
золотой запас с собою
прихватили “муромцы”.
Город, тишиной объятый,
Красной армией распятый,
заняли петлюровцы.

Не успели отоспаться,
как пришлось им убираться
подобру отседова:
по Крещатику парадом
шаг чеканили отряды
генерала Бредова.

Восстанавливая силой
неделимую Россию,
белоофицерие
и петлюровцев, и красных
вешало, как сопричастных
к гибели империи.

За сепаратизм в зачатъе
проклинал Шульгин в печати,
областью имперского
юго-западного края
Украину обзывая,
малоросса дерзкого.

Сыщики от контрразведки,
из подполья глазом метким
нелегалов вычистив,
подавили управление
красного сопротивленья
белому владычеству.

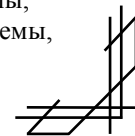
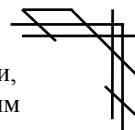
Ненадолго город Кия
стал столицей России
для ее патрициев.
Для плебеев новой веры
были киевские скверы
вражеской позицией.

Бросив в бой за Украину
миллиона два с полтиной
голытьбы резиновой,
Троцкого наставник Ленин
все буржуазии племя
в Крым перебазировал.

В третий раз занявши Киев,
пролетарская стихия,
мучаясь отдышкой,
непокорных устранила
и себя вознаградила
краткой передышкой.

Губревком склады, подводы,
лавки, фабрики, заводы
нациализировал –
карточками, ордерами,
очередью с номерами
рубль дискредитировал.

И тотчас ответным хуком
эпидемия с разрухой
появились в городе,
с питьевой водой дилеммы,
с продовольствием проблемы,
с топливом от холода.

“За идею” на заводе
Совнархоз еще к работе
находил охотников.
Эта форма угнетенья
подавалась как внедренье
ленинских субботников.

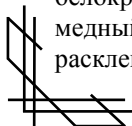
Деньги и обмен натурой
заменяла диктатура
кремлевского знахаря.
Губпродком голодным кланом
с хлебозаготовок планом
двинулся на пахаря.

Красной армии утроба
раздавила хлебороба
прессом реквизиции.
Тех, кто собственным геройством
выражал ей недовольство,
брала Губмилиция.

В нарушение всех планов,
общество варшавских панов
занялось историей –
бывшей Речи Посполитой,
досконально подзабытой,
вспомнив территорию.

За неполных две недели
до Печерска долетели
конники Пилсудского,
соскочившие с орбиты
многовековой обиды
на соседа русского.

Лишь Антанта и Петлюра,
спутники их авантюры,
не дали отросточкам
белокрылого орлана
медный памятник Богдану
расклевать по косточкам.

Но зато взорвали остов
через Днепр Цепного моста
патриоты польские,
планомерно отступая
от псякревных хлопов стаи
в волости подольские.

В помощь панскому *рушенью*
развернулось изверженье
из другого лагеря:
на просторы Украины
двинул белые лавины
фронт барона Врангеля.

Безнадежной рефлексии
отживающей России
и шляхетской гвардии
пролетарская дружина
монолитность предложила
большевистской партии.

Тухачевский и Буденный
табуны лавины конной
на поляков кинули.
Примаков, Якир, Егоров
врангелевских гренадеров
к морю опрокинули.

Тухачевский поначалу
разогнался до Варшавы
скачкою гайдуцкою,
но, поляками помятый,
украинские Карпаты
уступил Пилсудскому.

Только песенка кадета
все же вскоре была спета:
численно неравные
белой армии окопы
оттеснили к Перекопу
красною оравую.

Полководец Фрунзе в стужу
посадил буржуев в лужу
Крымской операцией:
вброд через Сиваш ударил
и России цвет отправил
морем в эмиграцию.

Вольный беспредел махновский
позже придавил Котовский,
а ЧеКа – вредительство.
Массы, на Москву взирая,
котлован земного рая
подвели к строительству.

А Москва аврал забила –
рая чертежи забыла
выполнить заранее.
Архитекторы очи
представляли смутно очень
коммунизма здание.

Лишь для собственной артели
вовремя предусмотрели
застолбить фундаменты:
в голодающей столице
процветали, как в теплице,
наркомдепартаменты.

Все пути к заветной цели
меж руин в грязи тускнели
скрюченными рельсами.
С экономикой насилия
видели во мгле Россию
герберты уэллсовы.

Тьму грядущих поколений
осветил Ульянов-Ленин
марксовой теорией:
“Позабить различья наций,
шар земной чтоб мог считаться
общей территорией!”

Показал в момент текущий
вождь и гений вездесущий
блеск импровизации:
“Коммунизм – есть власть Советов
плюс сияние от света
электрификации!”

Украинские партнеры
зачинателя аферы
ушлыми прикинулись –
с пачкой тезисов в активе
по партийной директиве
к коммунизму двинулись!

